

АЛЕКСАНДР БРЕНЕР

ОРФЕЙ! ОРФЕЙ!

18+

Содержит
нецензурную
брань

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

Александр Давидович Бренер
Орфей! Орфей!
Серия «Книжная полка
Вадима Левенталья»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67666770

Орфей! Орфей!: ИД «Городец»; Москва; 2022

ISBN 978-5-907483-53-8

Аннотация

В новой книге знаменитый художник и писатель, главный номад эпохи Александр Бренер продолжает свой великий поход против современной цивилизации и на собственном примере показывает, как и куда можно совершить от нее побег. Книга рекомендована студентам гуманитарных вузов, менеджерам среднего звена, дезертирам из туменов Чингизхана, голубям Ватикана и активистам арт-пролетариата.

Но на самом деле эта книжка – вопль беспомощности и отчаянное хватание за соломинку поэзии.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

От автора	6
Про то, как я был фашистиком	15
Про то, как мне снился кентавр	47
Про то, как я читал и перечитывал «Кошкин дом»	59
Про то, как Цветаева увела меня из Цюриха	71
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Александр Бренер

Орфей! Орфей!

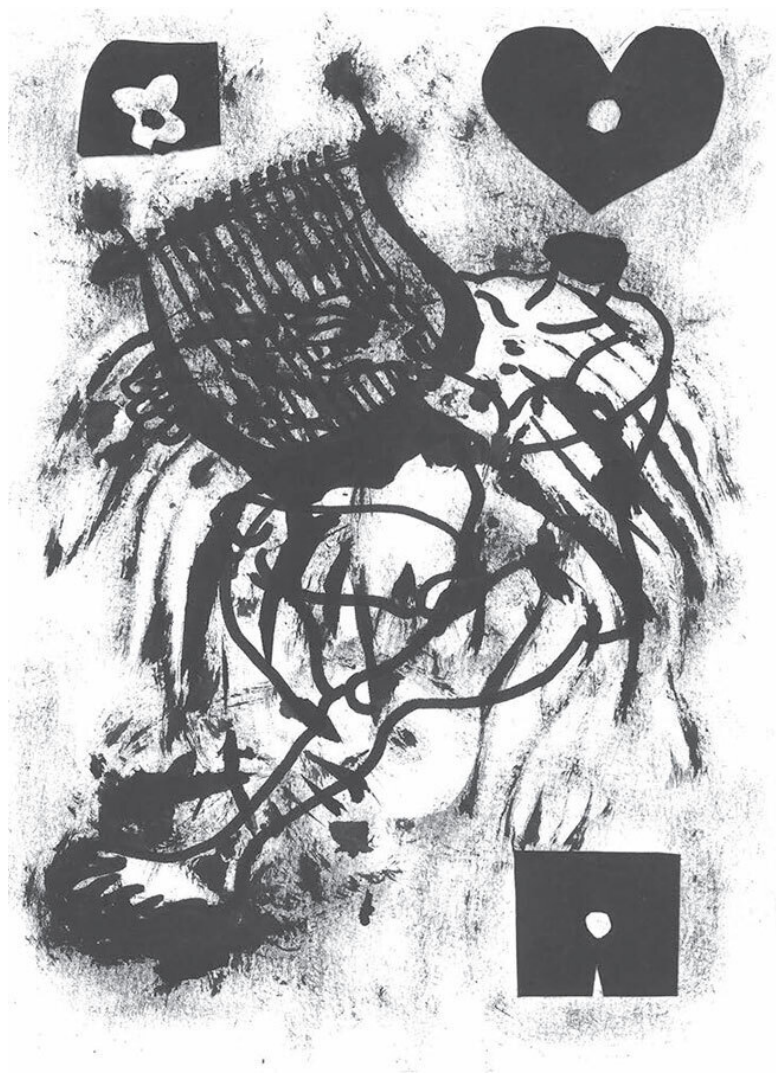
*Только четырёхэтажность тавтологии и даёт
возможность в конечном счёте возвратиться к
магическому аспекту. Недаром ты повторяешь
«Отцы-пустынники и жёны непорочны».*

Павел Улитин

Рисунки Александра Бренера и Барбары Шури

© А. Бренер, 2022

© ИД «Городец», 2022

От автора

Я просыпаюсь по ночам и не понимаю, где я.
Потом вспоминаю: в чужой квартире в Цюрихе.
Или в чужой халупе в Базеле.
Или в чужом доме на окраине Триеста, на зелёном холме.
Или в Безансоне на чердаке.
Всегда – в чужом, всегда – чужой.
Сообразив это, я встаю и, спотыкаясь, иду в сортир.
Сортир – средоточие бытия человеческого.
Можно обойтись без кухни, но без сортира – никак.
Сортир – или полиция.
Мочиться на улице запрещено!
Какать – тем более!
Поэтому: сортир.
О, как там тесно и темно!
Я мочусь, не зажигая свет.
Я не хочу смотреть на свой член.
На эту прерывистую, бьющую в унитаз струю.
Я не хочу ничего видеть и ощущать.
Только спать, спать, спать.
Однако я забрызгал стульчак.
Вот пентюх!
Мне приходится включить свет.
Чтобы найти туалетную бумагу и обтереть унитаз.

Я нащупываю на кафельной стене выключатель: трык!

Загорается омерзительный мертвенный свет.

И тут мой взгляд, несмотря на все мои старания, влипает в висящее на стене зеркало.

Хлоп!

И что я вижу там?

ЧТО Я ВИЖУ ТАМ?!

А вот: жулика, который не поехал в Израиль на похороны своей матери.

РАЗ.

Урода, который не поехал к ней, когда она год лежала на смертном одре.

ДВА.

Субъекта, у которого тихий ужас в глазах.

ТРИ.

Типа, у которого прыщ на носу.

РАЗ.

Недоросля, который уважает только мертвецов, а всех живых держит за подлецов.

ДВА.

Придурка, который не знает, что с ним будет через месяц или два, когда ему придётся съехать из этого гнусного жилья.

ТРИ.

Субчика, который хотел обходиться без душа и сортира, но не смог.

РАЗ.

Хлюста, читавшего недавно стихи Бориса Слуцкого и думавшего: «Этот поэт был честен с собой хотя бы наполовину, хотя бы чуть-чуть, а я – нет».

ДВА.

Шаромыжника, который уже три года существует без паспорта.

ТРИ.

Папашу, чей сын порвал с ним всякие отношения.

РАЗ.

Ублюдка, который навалил всё бремя жизни на свою по-другу, а сам не притрагивается к деньгам.

ДВА.

Прошелыгу, который ест сыр и фрукты, которые его по-друга ворует в магазинах, а он в это время стоит на улице.

ТРИ.

Пройдоху, который моет посуду после обеда, но оставляет грязной сковородку на плите.

РАЗ.

Афериста, который издаёт книжки в России, хотя давно оттуда сбежал.

ДВА.

Бегунка, который получает по почте свои авторские экземпляры (он заказывает всего два или три), но не может не только перечитывать эту писанину, но вообще смотреть на неё.

ТРИ.

И прячет экземпляры с глаз долой.

РАЗ.

Слабака, который никогда не достаёт в своих книжках до нужной глубины.

ДВА.

Штукаря, который всё время повторяет «я» вместо того, чтобы сказать себе: «Пошёл вон».

ТРИ.

Ёбаря, который смотрит порнуху на компьютере перед тем, как трахнуться.

РАЗ.

Бездаря, который хотел уйти из общества, но продолжает писать книжки, а это значит, что далеко он не ушёл, а просто торчит на пороге с протянутой рукой: «Почитайте меня, пожалуйста!»

ДВА.

Бздушника, у которого душа уходит в пятки при виде полицейского.

ТРИ.

Шибздика, который читает газеты, чтобы забыть о самом важном и неотложном, чего не найдёшь ни в какой газетчине.

РАЗ.

Пустобрёха, который пытается сформулировать нечто необходимое, но может повторять только: «Уйди, уйди!»

ДВА.

Молодчика, который в разное время воображал себя трикстером, анархистом, поэтом, бунтарём, клоуном, говнометателем, «художником из третьего мира», хулиганом, сквоттером, аристократом духа, плебеем, Вечным жидёнком, Иваном-дураком, скоморохом и профанатором, а на самом деле переживал, что остался без издателя.

ТРИ.

Гаврика, который скорбно созерцает обглоданные кости своего прошлого.

РАЗ.

Размазню, который читал «О нищете духом» Мей-стера Экхарта и мечтал стать нищим по-экхартовски, а через час возмечтал о сладком пирожке.

ДВА.

Ухаря, который бросался своими какашками в разных европейских городах – кидал говно в людей, срал на пол в галереях, пачкал калом витрины, измазывал собственное тело и лицо – и всё это для того, чтобы оскорбить систему, но, вполне вероятно, втайне хотел получить признание тех самых людей, которых забрасывал своим дерьмом.

ТРИ.

Впрочем, в этом я не уверен: вполне вероятно, что я на самом деле хотел порвать все социальные отношения и оказаться нигде, в пустоте, ни с кем, единственно со своей подругой, один.

Вот так!

Возможно, я не юлил, а был совершенно честен, когда забрасывал людей говном или яйцами.

Во всяком случае, это были мои лучшие миги на земле, не считая траханья.

А порнуху я смотрел, чтобы быть ближе к праматери Лит!

И, скорее всего, я правильно сделал, что не приехал к умирающей матери.

Ведь единственное, что я мог сделать для неё – сидеть рядом и держать за руку.

РАЗ.

Или подмывать её.

ДВА.

Или удушить подушкой, когда она спала.

ТРИ.

Но я предпочёл купаться в Цюрихском озере.

Потому что мне была невыносима мысль, что я буду сидеть с умирающей, подмывать её, подушкой душить...

Кретин!

Я хотел, чтобы моя мать осталась у меня в памяти молодой и красивой женщиной!

Урод!

И она, кстати, тоже этого хотела, о чём не раз говорила мне!

Слюнтяй!

Моя бывшая жена, целых два года ухаживавшая за моей

матерью, позвонила и сообщила мне о её кончине, когда я вылезал из озера.

И я подумал: «О, наконец!»

Подумал: «Свободна ты!»

Подумал: «Слава тебе, Господи!»

Подумал: «Славься во веки веков, монастырь Господа нашего Аполлона прекрасного!»

Вот!

Всё, чего я хотел по-настоящему: дать волю своей матери!

И себе!

Чтобы она улетела из этого мира, как воробей!

Как пчела!

Как лимонница!

Как ласточка!

Но я не умел, не знал, как ей это дать.

Я не знал даже, как добыть свободу для самого себя.

Я всегда только из тюрем убегал.

А на свободе не жил.

Я ничего не постиг, не открыл, не прозрел.

И поэтому мне нужно снова читать, вникать, смотреть, созерцать, переживать, страдать, воображать, сочинять, размышлять, вспоминать, формулировать.

Рифмы смыкать.

Ритмы искать.

Над собой хохотать.

Погружаться в тишину.

Слушать голоса.

Заниматься археологией.

Вглядываться в мифологию.

С мёртвыми говорить.

Чужие мысли передумывать.

Свой опыт переваривать.

Искать – и не находить.

Находить – и утрачивать.

Ох, много, много дел!

А покоя – нет.

Про то, как я был фашистиком

1

– Вы – фашисты!

Так кричала моя мама, увидев, как мы с моим другом Лё-
кой Роденко отрываем головы муравьям.

Или мы их стравливали друг с другом?

Или мы их спичками поджигали?

Или это вообще были не муравьи, а гусеницы?

Страшно вспоминать.

2

Мама, конечно, была права.

Фашизм есть не что иное, как проявление наглой силы в
отношении слабейшего.

Неважно, муравей это или человек.

Культ силы – это и есть фашизм.

Как сказал Элиас Канетти: «Все люди нацисты по отноше-
нию к зверям».

3

Фашистский элемент засел во мне сизмальства.

Речь идёт о микрофашизме, по определению Делёза и Гваттари.

К фашистской идеологии я не тяготел, в фашистских группах не состоял.

Но микрофашизм: он почти в каждом человеке есть!

Поэтому молюсь:

Мерзкие фаши
И все козни ваши —
Утоните в параше,
Изойдите в дренаже,
Ничего нет вас гаже —
О мерзкие фаши.

4

Вспоминаю школьный эпизод.

В наш класс пришёл новичок по фамилии Сухих.

Он и правда был длинный, сухой.

Его невзлюбили – уж не помню, за какие грехи.

Кажется, он был слегка приبلатнённый (или просто при-

кидывался).

И ещё – нахал.

Ну так вот: мальчики решили устроить ему «тёмную».

После уроков накинули на него пальто и стали лупить.

Я костяшками пальцев ударил по чему-то твёрдому:
хрясь!

Это был череп Сухих.

Он завизжал, как резаный:

– Аааа! Кастетами бьёте, сволочи!

О, чёрт!

Мне стало не по себе.

В глубине всколыхнулся мамин крик: «Фашист!»

Что ж, я и был тогда фашистом, а кулак мой – фашистским орудием.

5

Как и многих, меня в отрочестве привлекала фашистская эстетика.

Мундиры, фуражки, портупеи, значки – вся эта бутафория.

Ну и, конечно, свастика.

Это было в фильмах, которые тогда шли.

Даже такой фильм, как «Обыкновенный фашизм», нравился тем, что в нём показывались ритуалы фашистские, все эти рожи, штандарты, толпы с факелами, римские привет-

ствия.

Это прямо-таки завораживало.

6

Мы с отцом ходили в филателистский клуб.

Там собирались дядьки, торговавшие марками, монетами, медалями.

Как в прозе Вагинова: одержимые коллекционеры и спятившие собиратели.

Мы с отцом тоже заболели этим на пару лет.

Покупали марки, вставляли их в альбомчики.

Однажды отец приобрёл серию марок гитлеровской Германии.

Это были отменные зелёные марочки.

С дубовыми листочками, с орлами, с физиономией фюрера, со свастикой.

Мне они нравились.

Я их долго-долго рассматривал.

Было в них нечто демоническое, inferнальное, потустороннее.

7

И вот случилось так, что я марку с головой фюрера про-

глотил.

Почему, зачем?

Чёрт догадал!

Мне вздумалось попробовать на язык обратную сторону марки – ту, на которой клей.

Я подумал: «Как это на вкус?»

Взял и лизнул языком.

Болван!

Марка приклеилась!

Прямо-таки приросла к языку.

Мне ничего не оставалось, как сжевать её и проглотить.

С этого момента микрофашизм ещё пуще утвердился во мне.

8

Разумеется, я был не единственным микрофашистом в Алма-Ате.

В нашем дворе жил Серик – красивый паренёк.

Постарше меня.

Он был похож на Кришнамурти в молодости.

Прямо арабский скакун.

И приторговывал порнографией.

Я купил у него за рубль одну очень соблазнительную карточку.

До сих пор помню: голая девушка с разверстыми чресла-

ми.

Её лобок был похож на колобок.

И посреди колобка – вертикальный рот!

Серик сказал:

– Будешь на неё дровичь?

Я промолчал: не любил дровичь.

Просто смотрел и наслаждался обнажённостью.

Но он намеревался продать мне не одну, а три фотокарточки.

Я три рубля не смог у отца украсть.

Серик на это рассердился – и как закричит:

– Таких, как ты, немцы отправляли в газовые камеры!

Я удивился, а он:

– Еврей! Жид!

Так меня впервые сделали евреем, жидом.

А до этого я и не знал, кто я такой.

Дома мне никто про это не объяснял.

Не знать было хорошо, а знать – унижительно.

Фашизм зиждется на унижении.

Одна из главных особенностей фашизма состоит в том, что высшая раса – силовики и хозяйчики – тычут в нос низшим, что они – низшие.

Это как у блатных:

– Твоё место у параша, тварь!

Ну а я в то время хотел быть не тварью и не жидом, а графом или герцогом.

Потому что читал Дюма.

9

Фашизмом было проникнуто тогда всё.

Сталинизм ведь отнюдь не увял.

А в сталинизме фашизма – через край.

Вообще весь советский строй был фашизоидным.

В основании СССР лежал абсолютно фашистский карательный аппарат: ВЧК – ГПУ – НКВД – КГБ.

Вот уж поистине: «Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз».

Государство.

Милиция.

Вообще все институты.

Телевизор.

Общество.

Всё было фашизоидным!

Но не дедушка Мося, нет!

Он, профессор и обладатель волшебной трости с инкрустацией, впадал в маразм.

И был очень добр.

Моисей Абрамович Бренер, уважаемый врач-терапевт.

Он читал мне по-немецки сказки братьев Гримм, хотя я немецкий не понимал.

Маразм защитил его от худшего недуга – фашистского.

Но кроме него – все, все!
Ну почти.

10

Некоторые знакомые девушки были от этой заразы защищены.

Иногда – своей невинностью.

Иногда – блядовитостью.

А иногда комбинацией обоих факторов.

Нина, например.

Или Алмагуль.

Или Таня Камалова.

Или Люда Рукавицина.

У Тани были губы – на лице и внизу, – позволявшие забыть обо всём фашизме вокруг.

11

Фашизмом была пропитана, конечно, школа и школьные учителя.

А иначе почему я испытывал перед ними такой страх?

И раболепие, и стыд.

Учился я хуже некуда.

Это была средняя школа № 25 имени Дзержинского.

Из её стен вышли Владимир Жириновский и Касым-Жомарт Токаев – нынешний президент Республики Казахстан.

Казарменное здание с фальшивыми колоннами.

В этой школе презирали слабых учеников.

Везде одно: слабые и сильные!

Только этому и учат учителя всех мастей: как из слабых попасть в сильные.

Разве это не фашизм?

Я каждый день кричал внутри: «Почему вы меня мучите?!»

Большие люди смотрят на маленьких как на гусениц, родившихся специально, чтобы их на две, на три, на четыре части рвать, рвать, рвать!

Только звери в моём детстве были ласковыми и странными.

А вольготно мне было только в зарослях парка Горького.
Поэтому молюсь:

Коты,
Помогите,
Киты,
Спасите,
Кроты,
Сохраните.

Кусты,
Защитите,

Сады,
Схороните,
Цветы,
Прорастите.

Персты,
Уместите,
Мечты,
Уведите,
Следы,
Заметите.

12

Гоголь когда-то сетовал: «Перо всё время тычется в за-
прещённые места».

Это и хорошо.

13

Вспоминаю со стыдом.
У меня была возлюбленная.
Звали её Венера Улдашева.
Она была настоящая Венера – площадная и небесная.
Смуглая красавица с фиолетовой промежностью.
Полу-узбечка, полурусская.

Я прилип к ней, как пиявка к недужному.
Не хотел вылезать из её влагалища.
Но она мне изменяла чуть ли не каждый день.
Или лучше сказать: ЕЙ НЕ ХВАТАЛО МЕНЯ.
Ведь Венера в любви – ненасытная.
О, какая она была ненасытная!

14

От неё исходило дикое благоухание.
Как от вспоротой самаркандской дыни, пролежавшей на
солнце целый день.

Один мой знакомый сказал:
– Как ты ходишь с ней? От неё воняет пиздой!
Ну и что?

Во-первых, не пиздой, а чудными чреслами.
А во-вторых, мне это нравилось.

Я любил нюхать её влагалище.
И подмышки, и ступни, и ушные раковины.
Я любил их лизать.

Но она изменяла мне!
Такова уж сущность Венеры – и ничего тут не поделаешь.
Это как солнце, которое палит.
Она трахалась с разными молодыми мужчинами.
По три-четыре раза в день.
Иногда сразу после нашего с ней свидания.

Я это точно знал.

Как?

А в окошко за ней подглядывал!

По ночам приходил к её барaku и подсматривал.

Наблюдал, как она с ними трахается.

И слышал звуки их соития:

– Яб-юм!

– Юб-ям!

– Ям-юб!

15

Да, я соглядатайствовал!

Шпионил за ней, отслеживал.

Как какой-нибудь фельдфебель, полицай, чекист.

Как какой-то моcсадовец или гестаповец.

Одним словом: фашист.

Микрофашист.

И потом я ей скандалы закатывал!

Венеру попрёками донимал!

Мол, почему она не только со мной сношается?

Почему с другими якшается?

Почему отдаётся кому-то ещё?

Я, сукин сын, её ревновал.

И в пылу скандала ударить мог!

Пощёчину дать.

Толкнуть.
Вот такой злодей.
Собственник и фашист.
Она, видите ли, изменяла мне!

16

Однажды, в ответ на мои обвинения, она заметила:
– Ты что – фашист? Или просто дурак? Прекрати это.
И быстро скинула с себя сарафан, чтобы показать себя голую.

Я, конечно, остолбенел.
Когда она была голая, я забывал обо всём.
В том числе и о её прелюбодеяниях.
И прыгал на неё, даже не попросив прощения.
Она легко прощала меня.

17

На самом деле в ней жила душа иеродулы.
ИЕРОДУЛА – так в Древней Греции называли служительниц богини плодородия.
Эти девушки занимались любовью с приходящими в храм мужчинами.
Существовала ведь священная проституция.

Существовала метафизика соития.
Были жрицы божественной похоти.
Были храмовые совокупления.
Были мистерии с запахом умащённой промежности.
Была Афродита – площадная и небесная.
Её жрицы отдавались чужестранцам и странникам.
Об этом можно прочитать в интернете, если кому-то захочется.

Но лучше – в серьёзных исследованиях.
Лучше читать Бахофена.

18

Впрочем, всё это не то.
Следует просто сказать: БЛАЖЕННАЯ.
Следует просто сказать: МИСТЕРИЯ.

19

Венера Улдашева была великой дарительницей.
И ничего не просила за свои дары.

20

Этой Венеры уже нет на земле.

А если и есть, то не та.

Небеса померкли, площади разворочены.

Впрочем, площади всегда были мерзкими.

Всё лучшее происходило среди деревьев и в траве, а не на площадях.

21

Именно благодаря Венере (и своей матери), я и понял, что во мне засел фашистский глист.

И сосёт, сосёт.

Как Злой Дух, угнездившийся в Уильяме Берроузе.

Я знал, как этот глист выглядит: точно как мои кишки.

И как мне от него избавиться?

Неужто носить в себе до конца?

Бог ты мой!

Так скорей же приходи, конец!

22

Если б я стал рассказывать обо всех своих микро-фашистских выходках, это заняло бы три толстых инкунабулы.

Чего я только не натворил!

Дрался.

Воровал.

Принуждал.

Намеревался убить (не раз и не два).

Ел зверей.

Насиловал (себя, свои и чужие мысли, слова).

Оскорблял.

Ревновал.

Надругался над чужим творением.

Завидовал.

Беспамятствовал.

Лгал.

И снова принуждал, дрался и воровал.

И не у кого больше попросить прощения.

23

Остановлюсь на самом, пожалуй, вопиющем безобразии.

В какой-то осатаневший период своей жизни я начал плевать на людей.

Буквально, физически.

На первый взгляд, это было частью моей художественной деятельности.

Ведь я заделался художником.

Но в действительности это происходило потому, что я слышал голос, науськивавший: «Иди и плюй!»

Сам бы я вряд ли до этого додумался.

Но голос требовал!

Думаю, это был голос того зелёного Гитлера, которого я проглотил, сунув нацистскую марку в рот.
Он зудел, как комар в ночи:
– Ззззыыыы!.. Зззжыыыы!.. Иди!..

24

В сущности, я слышал голоса всегда.
Хотя я не психически больной.
Но и не «нормальный человек».
Многие вполне здоровые люди слышат голоса.
Идёшь по улице и вдруг откуда-то:
– Са-аашенька!
Но голос голосу рознь.
Бывают голоса блаженные, а бывают страшные.
В раннюю пору жизни я слышал блаженный голос ка-
кого-то старика.
Он окликал меня – то ли с неба, то ли из глубин земли.
И я отвечал ему.
Это было хорошо.

25

Чей же это был голос в моём отрочестве?
Думаю, Достоевского.

Я его очень тогда любил.

Я его и сейчас люблю!

В детстве он мне нашёптывал:

– Чтоб исчезли твои горести, прикоснись к стволу вон того дерева. Прикоснись и озеленись!

26

Я шёл и делал, что он сказал.

Прикасался к карагачу, клёну или тополю.

К берёзе или яблоне.

Это удивляло моих друзей, с которыми я гулял.

Ведь я, как сумасшедший, отбегал от них посреди разговора, чтобы совершить ритуал прикосновения.

Они спрашивали:

– Зачем ты это делаешь? Что за дурь?

Уж не помню, что я им отвечал.

Знаю только, что прикосновение было безотказным средством от любых расстройств и неприятностей: от школьного ужаса, от скандалов с родителями, от подросткового уныния.

Это было священнодействие: прикоснуться к шершавому телу дерева.

Ритуал очищения.

Поклонение неведомым богам.

Поэзия.

Ну и вот.

А потом, когда я стал московским художником, блаженный голос заглушился сатанинским голосом.

Почему это произошло?

А уж так...

Современный художник – публичная персона, человек на-показ.

А всё, что напоказ – ложь.

Ван Гог не был напоказ.

И Эгон Шиле, и Арто.

Даже Монастырский, может быть.

Но все остальные нынешние – напоказ.

Интервью дают, за круглыми столами сидят, рефлексируют...

Но есть ли у них что сказать?

По-настоящему сказать – так, чтоб у людей щёки запыла-ли, как факелы?

Это мало кому дано.

Фуко это мог.

И Делёз...

Или, скажем, Мейстер Экхарт в своих проповедях.

Но я?

Я?!

Пфу...

Единственное, что было у меня настоящего, – недоверие ко всему этому художественному сообществу.

Отвращение к их бизнесу.

Неприятие.

Но в какой-то момент я в этот бизнес сам вляпался.

Одним большим пальцем на ноге, но вляпался.

Всего-то пальчиком...

Но и этого оказалось достаточно.

Разврат.

Разврат.

28

Ну и вот...

Потихонечку-полегонечку крошка-фюрер одолел меня.

И пошёл буйствовать!

Плевки разбрасывать.

Уж не помню, на кого я плюнул в первый раз.

Кажется, в Вене – на какого-то американского лектора.

Или на Харальда Зеемана?

И мне это понравилось.

Разошёлся я.

Плевание превратилось в амплуа, стало главным способом общения.

«Амплуа» – какое слово мерзкое!

Тьфу!

Я плевал на разных известных и не слишком известных личностей.

На философа Жижека...

На культуролога Гройса...

На всяких кураторов...

На художника Райнера Ганала...

На писателя Сорокина...

На Маурицио Каттелана – популярного художника.

На писателя Тома Маккарти в Лондоне...

На Оливье Зама – главного редактора «Purple Fashion Magazine»...

На галериста Ларри Гагосяна и какого-то его приятеля...

На директора МоМА Гленна Лоури.

Плевал...

Плевал...

Много раз...

А если не плевал, то говном их закидывал.

Как Тиль Уленшпигель или Панург.

И всегда перед этим голос нашёптывал: «Вот сейчас давай... Плюнь... Встань и плюнь... Подойди и плюнь!.. Ну!...»

И я подчинялся голосу.

Подчинялся Адольфу Гитлеру?

Или Иосифу Сталину?!

О!

Есть две страшные книги на земле: «Краткий курс истории ВКП(б)» Сталина и «Майн кампф» Гитлера.

Ни ту ни другую я не читал.

Но каким-то странным образом их гнусный душок проник в меня.

Душок или божок?

И как проник?

Через рот или задний проход?

А в вас?

Есть, конечно, и другие подлые книженции.

Вообще, вся книгопромышленность — подлая.

Она служит капиталу и его прислужникам.

Она служит цивилизации и её прислужникам.

Она служит обществу и его прислужникам.

Я ненавижу общество!

ЛЮБОЕ ОБЩЕСТВО.

Но есть, конечно, и хорошие авторы.

Например, Густав Ландауэр.

Всё, что он написал, — замечательно.

Или Жак Каматт, например.
Или Оноре Бальзак.
Или Жиль Делёз.
Или Жильбер Симондон.

31

Иногда мне кажется, что я плевался, потому что хотел того маленького Гитлера с проглоченной мною нацистской марки выплюнуть.

И по той же причине прилюдно какал и кидался какашками.

Чтобы Шикльгрубера из себя выкакать.

Чтобы Джугашвили из себя вытравить.

Но это не помогало, а наоборот.

Я был заражён микрофашистской немощью и не знал, как от неё отделаться.

Фашистский голос скрежетал в ушную раковину: «Иди, малец, и плюй, плюй, плюй!»

32

Между прочим, я и сейчас не уважаю людей, на которых плевал.

И не собираюсь просить у них прощения.

Все они кажутся мне фальшивками.

Даже если некоторые из них – талантливые.

Сорокин...

Гройс...

Маурицио...

Гленн Лоури...

Кто там ещё?

Но...

ПЛЕВАТЬСЯ НЕХОРОШО!

Нужно совершенно иначе поступать!

Нужно от всего нынешнего базара – прочь!

Нужно быть не с современными людьми, а с чудесными предками.

Нужно разорвать все связи с обществом.

И крепко связать себя с тем, что по-русски называется совестью.

В философии это называется этикой.

Нужно слушать голоса мёртвых, которые умели по совести жить.

Нужно слушать голос самого первого поэта, чьё имя – Орфей.

Он был аскет.

Не ел зверей.

Не говорил, а пел.

Для Эвридики, для птиц и зверей.

Вот это и есть кодекс настоящего художника.

А ты, микрофашист Бренер, сгинь!
БОЖЕ, СДВИНЬ МЕНЯ, СДВИНЬ!
Аминь.

33

Кстати, голос Гитлера во мне умолк.

Это само собой произошло.
Возможно, от старости?
Или от новоявленной щенячести?
Или я всё же выкакал того бумажного Гитлера?

34

А голос, требующий прикоснуться к деревьям, снова со мной.

Шепчет: «Сюда! В глушь!»
Хожу, притрагиваюсь к стволам.
Осязаю веточки.
С благодарностью срываю ягоды.
Травку поглаживаю.
Цветы нюхаю.
Смотрю на пчёл, ворочающихся в экстазе среди лепестков.

Хочу быть таким же, как они.

Внимаю их голосам:

– Жжжжжу-жжииии-жааа...

35

И вот ещё (интересное): я недавно прочитал замечательную книгу о голосах: «ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ СЛОМА БИКАМЕРАЛЬНОГО РАЗУМА».

В оригинале так: «THE ORIGIN OF CONSCIOUSNESS IN THE BREAKDOWN OF THE BICAMERAL MIND».

Имя автора: Julian Jaynes.

Книга эта, насколько мне известно, пока не переведена на русский язык.

Джулиан Джейнс был американским психологом, но лучше сказать – оригинальным мыслителем.

Я попытаюсь вкратце передать его главную концепцию, хотя упрощений мне не избежать.

Итак.

Джулиан Джейнс считал, что сознание появилось примерно за тысячу лет до нашей эры (то есть это сравнительно недавний феномен).

А до этого поступки людей диктовались слуховыми галлюцинациями, исходившими из правого мозгового полушария, откуда они транслировались в левое.

Это и побуждало человека к тем или иным действиям.

Отсюда главный термин Джейнса: **БИКАМЕРАЛЬНЫЙ РАЗУМ** (древних людей).

По его мысли, слуховые галлюцинации правого полушария воспринимались древними как «голоса богов» и возникали в ситуациях, когда человеку необходимо было принять какое-либо важное решение.

Таким образом, голоса богов – это сила, позволявшая нашим пращурам ориентироваться в той зелёной чаще праистории, о которой у нас весьма приблизительное представление.

Ну а что такое для Джейнса сознание?

Это – введение в пространство мышления модели «я» и «другие», определившей позднейшее человеческое поведение.

Это – абстрагированное мышление как продукт развития языковой деятельности, артефакт символического универсума.

Джейнс считал, что становление сознания стало возможным с появлением метафоры.

Метафора – слово или выражение, используемое в переносном значении; сравнение предмета или явления с каким-либо другим на основании их общего признака.

А бикамеральный человек не знал ничего подобного.

Он подчинялся голосам богов, которые прямо указывали ему, как нужно поступать.

Жизнь бикамерального человека определялась привычка-

ми, а в непредвиденных обстоятельствах в действие вступали голоса богов.

Согласно Джейнсу, бикамеральный человек имел слабо развитое чувство линейного времени и не умел осмысливать своё прошлое и проектировать своё будущее.

Чтобы доказать свою концепцию, феноменально эрудированный Джейнс обращался к самым разным областям знания: к нейрофизиологии, к антропологии, к античной мифологии, к психопатологии, к древней истории, к изобразительному искусству и поэзии.

Он хотел показать, что в бикамеральном мышлении реальность и миф, действительность и магия были неразрывно связаны.

А разделились они только с появлением философии в середине первого тысячелетия до нашей эры, то есть уже после слома бикамерального мышления.

Ещё Джейнс утверждал, что бикамеральный человек имел примерно такой ментальный расклад, который характерен для так называемых шизофреников.

Эти последние часто слышат руководящие и приказывающие им голоса, подобные голосам богов, определявшим деятельность древних шаманов, библейских пророков и создателей архаической поэзии.

В своей книге Джейнс посвятил целую главу гомеровскому эпосу.

Он считал, что голоса богов в «Илиаде» – это вовсе не по-

этический приём, а реальность тогдашних людей: слуховые галлюцинации, провоцирующие их действия.

С другой стороны, в «Одиссее», созданной, по мнению Джейнса, несколькими столетиями позже, явлено совершенно иное мышление.

Одиссей, претерпевающий множество злоключений в ходе своего странствия, тоже внимал голосам богов, но при этом всё больше и больше полагался на собственные смекалку и предприимчивость.

«Одиссея», по мысли Джейнса, – свидетельство слома бикамерального разума.

В Ветхом Завете он находил подобное же движение: от бикамеральных пророков, доносивших до народа Слово Божие – к Экклезиасту с его беспощадной рефлексией и созерцанием человеческой тщетности.

Оракулы, бродячие поэты и сказители также немислимы без голосов богов, даровавших им вдохновение и способность воскрешать тёмное прошлое и провидеть будущее.

Как полагал Джейнс, слом бикамеральности произошёл в период, когда это мышление уже не могло обеспечить выживание древних людей.

Это случилось довольно неожиданно, в Средиземноморье, когда на западные цивилизации обрушился ряд геологических катаклизмов: извержения вулканов, сопровождавшиеся частичным затоплением земель.

Выжившие люди превратились в беженцев.

В ситуации междоусобной войны и хаоса голоса богов были заглушены криками ожесточения и отчаяния.

Чтобы существовать, человеку понадобились новые свойства разума: хитрость, способность к обману, саморефлексия, изворотливость, враждебность к чужим, страсть к соперничеству.

Впрочем, как отмечал Джейнс, уже и до геологических катастроф вступили в силу факторы, обусловившие кризис бикамерального разума: торговля, рост населения, развитие письменности.

Джейнс посвятил целые разделы своей книги осколкам бикамеральности в новейших обществах: духовидцам-медиумам, автоматическому письму, шизофрении, гипнозу и глоссолалии.

По мысли исследователя, сознание человека до сих пор находится в процессе становления.

36

Прочитав книгу Джейнса, я понял, что никогда не был современным рефлексирующим субъектом с его материальными интересами, моральными суждениями, рациональной пространственно-временной ориентацией, чётким разграничением себя и других, а также стремлением к самореализации и саморегуляции.

Нет, я был изнасилованным и самоубитым обществом по-

следышем дикарей, мелкотравчатым варваром, прислушивавшимся к голосам богов и демонов и не подозревавшим о существовании развитого самосознания.

Секуляризация и расколдовывание мира, длившиеся три тысячи лет, едва коснулись меня, а коснувшись, не модернизировали, а только травмировали.

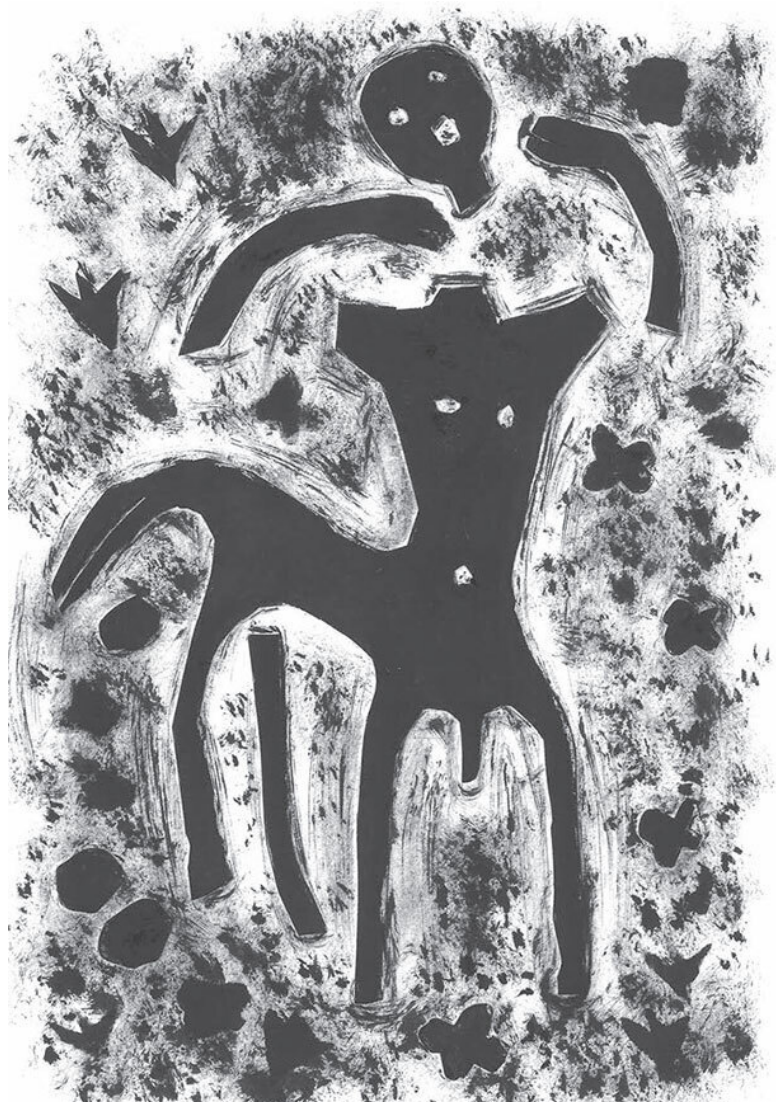
Я падал и вставал, падал и вставал.

И всё прислушивался к ужасающему рёву цивилизации, силясь различить в нём смолкнувшие голоса богов.

Я был и остался троглодитом, лопухом, отрезанным ухом, недорезанным кочевником.

И моя последняя (слабая) надежда – на голоса пчёл.

Их тоже изводит цивилизация.

Про то, как мне снился кентавр

1

Мне давно уже снится, что я – кентавр.

Причём совершенно беспомощный.

Я не могу ни скакать, как конь, ни владеть руками, как человек.

Я даже не способен дышать в этом сне.

Мой язык распухает и заворачивается.

Он больше не пропускает в горло дыхание.

И зубы, как грибы, ломаются!

И ноги лошадиные подгибаются.

И я валюсь, валюсь...

А закричать не могу...

Или заржать...

Несчастный, больной кентавр...

Посреди ночи я просыпаюсь в поту, в агонии.

2

Ну и что означает сей сон?

3

Думаю, кентавр соответствует моему месту среди людей.
То есть не месту, а его отсутствию.

Кентавру нет места в человеческом обществе.

И мне тоже нет.

Я никогда не чувствовал себя «своим» ни в каком окружении: ни в доме родителей, ни среди приятелей, ни в кинотеатре, ни на открытии выставки, ни на политической демонстрации, ни в питейных заведениях, ни на пляже – вообще нигде.

Я совершенно чужой в этой цивилизации.

Я не люблю эту цивилизацию.

Она выталкивает меня.

Поэтому мне снится кентавр.

Я и есть этот кентавр.

4

Дэвид Войнарович писал, что самый большой человеческий страх – оказаться перед сломанной стеной иллюзий, которая окружает общество.

«That moment of X-ray of civilization», – говорил он.

У меня этого страха нет.

Я знаю: стена безнадёжно сломана.

Общество – сплошные иллюзии.

И ужасающее, беспредельное, ни на минуту не прекращающееся насилие.

Вот и вся недолга.

Я не боюсь общества.

Я в нём не участвую.

Я боюсь только врачей и полицию.

Это совершенно конкретный страх: не дай бог им в лапы попасть!

5

Я быстро забываю свои сны.

От них остаётся лишь смутное недомогание.

Но последний – вчерашний – сон стоит передо мной.

Расскажу его.

6

Я, кентавр, торчу в Париже на мостовой.

Я знаю, что скоро умру.

Я уже растратил всю свою энергию.

У меня нет ни капли воображения.

Остались только дурацкие импульсы.

Например, прыгнуть с моста и утонуть.
Или крикнуть прохожим что-то непристойное.
Например, что Париж – говно.
Это ведь и правда так.
Тут только камень, машины, асфальт.
Витрины, кафе, люди, стекло.
Ещё машины, ещё бутики, ещё рынки, ещё супермаркеты.
Люди, дома, булочные.
А кентавру нужен лес.
Холмы.
Луг.
Река.

7

Я совершенно потерян здесь.
Возможно, я сам виноват?
Я уже не чувствую ничего.
У меня нет никаких идей.
Я гнилой внутри.
Одни кишки.
И кал.
У меня сводит низ живота.
Я пукаю, как больной конь:
– Орг-огх-пссссс...
У меня встают волоски на руках.

Зубы скрипят.
Мурашки бегут по спине.
Мурашки бегут по бокам.
Хвост бьёт по ляжкам, как хлыст.
Может, я не кентавр, а кадавр?

8

Париж омерзителен.
Я больше не могу впитывать в себя эту гнусь.
Капитал.
КАПИТАЛ.
К А П И Т А Л.
Неужели мне придётся здесь умереть?
Я хочу умереть в лесу.
Я хочу умереть как кентавр.
Я хочу умереть...
Или я уже и так кадавр?

9

Где я, собственно, стою?
Кажется, перед Gare du Nord?
Здесь много людей.
Они спешат.

Заняты только собой.
Собой и своей алчбой.
Выходят из вокзала, входят в него.
Бегут мимо меня, человека-коня.
Никто не замечает, что я здесь стою.
А ведь я не такой, как все.
Я – КЕНТАВР!
Настоящий древний кентавр!
Но они бегут, будто меня здесь нет.
Лучше б они атаковали меня!
Лучше б они растерзали меня!

10

И вдруг я вижу: бездомный заметил меня.
Бездомных легко отличить.
Они носят все свои вещи с собой.
Или возят их в тележке из супермаркета.
Но у этого нет никаких вещей.
Или он наркоман?
А может, бездомный наркоман?
Он смотрит на меня.
Он подходит ко мне.
И задаёт какой-то вопрос.
Я не понимаю его языка.
Но улыбаюсь ему.

Я стараюсь выглядеть естественно.
Я стараюсь держаться как нормальный человек.
Как кто-то, кто знает, что он тут делает.
Но на самом деле я не знаю ничего.
Вернее, я знаю, что я не такой, как все.
Я – кентавр!
КЕНТАВР ИЛИ КАДАВР.

11

Бездомный протягивает руку и что-то говорит.
Я не понимаю, но догадываюсь.
Он просит вспомоществование.
Монетку или две.
Как всегда, капитал хочет всё контролировать.
Даже отношения кентавра и бездомного.
Но у меня ничего нет.
Ни монеты, ни тем более двух.
Я – кентавр.
У кентавра капитала – ноль.
Кентавры живут безденежно.
Кентавры живут в лесу.
Кентавры лижут росу.

12

Но бездомный не понимает этого.
Он всё тянет и тянет руку ко мне.
Прямо в мой рот.
Его кулак залезает мне в пасть.
И я уже не могу дышать.
О, как страшен этот бездомный палач.
Да, ПАЛАЧ!
Настоящий палач, как и все.
Все люди, даже бездомные, – палачи.

13

Неужели мне это лишь кажется?
Или я уже видел этого бездомного?
Но где?
И когда?
А?
И тут меня осеняет: это бездомный из фильма
«Mulholland Drive»!
Или из «Twin Peaks»!

14

Он всё глубже и глубже засовывает кулак в мой рот.
Не могу дышать!
НЕ МОГУ!

15

Я просыпаюсь — как от землетрясения.
Я весь в холодном поту.
Палач!
Дантист!
Бездомный!
Врач!
О, как я боюсь палачей и врачей!
И полицейских.
И всех людей.

16

Чтобы стряхнуть с себя липкий страх, я пытаюсь вспомнить что-нибудь хорошее.
Спасительное.
Но что?

ЧТО?

Я вспоминаю эпизод из романа Ясунари Кавабаты «Снежная страна».

Я эту книгу когда-то любил.

В ней есть замечательная эротичная история.

Бездельник из Токио отправляется зимой в провинцию и завязывает отношения с местной гейшей – молодой, не очень опытной женщиной.

Он приходит к ней ежедневно и проводит у неё долгие часы.

Всё это время он только и делает, что поглаживает её распущенные волосы.

У гейши очень длинные, очень красивые, очень чёрные волосы.

Гость запускает в них свои руки и приговаривает: «Какие холодные! Я никогда не трогал таких холодных волос!»

17

Вспомнив эту историю, я чувствую облегчение.

Я шепчу заклинание:

– Какие холодные! Какие холодные! Какие холодные!

Я повторяю это много, много раз...

Возможно, теперь я усну...

Скорей бы, скорей...

Я шепчу:

– Кентавр, спи. Спи. Спи. Спи. Спи. Спи. Спи.

И:

– Сундер варумбе... Сундер варумбе... Сундер варумбе...

И затем:

– Тили-тили-тили-бом... Загорелся кошкин дом...

Про то, как я читал и перечитывал «Кошкин дом»

1

Одним из самых больших потрясений в моей жизни был «Кошкин дом» Маршака.

В детстве эта вещь снесла мне голову.

И недавно, когда я её перечитывал, опять снесла.

Я снова пережил сильнейшее ощущение крушения, несчастья, жалости и опустошения.

О этот подлый, уютный, бездушный, отвратительный кошкин дом – и его неминуемое сожжение!

Это как греческая трагедия.

Только она у Маршака не героическая.

И с фарсовым счастливым окончанием.

Теперь я знаю, почему ненавижу все человеческие жилища, квартиры, хаты, морги, хоромы, трупарни, хрущёвки, казематы, покои, камеры: из-за Маршака.

Он привил мне эту тошноту, это отвращение.

И я говорю ему – патентованному советскому писателю:

– Obrigado, Самуил Яковлевич! Вы для меня всё равно что пророк Захария!

2

Я помню, как к моим родителям приходили их друзья-знакомые.

Я помню этих кур и петухов, этих кабанов и свиней, этих козлов и коз.

Они все были точно такие, как у Маршака: толстомясые, закоснелые, заgreбушие, заледенелые, неспособные увидеть ничего, кроме своих горшков и корыт.

А мои родители?

Маршаковские кошка и кот.

И всё почему?

А потому, что у них был дом!

Нельзя, нельзя иметь дом!

Даже если это избушка Хайдеггера!

Даже если это сруб Тарковского!

Даже если это пещера Делёза-философа!

Даже если ты пускаешь туда бездомных котят!

3

А моя мама, кстати, пускала котят, а не гнала их.

Моя мама была добрая.

Но дом (вернее квартира), к которому она прилепилась

душой, губил её.

Зачем прилепляться душой к стенам, полу и потолку?

Незачем.

НЕ-ЗА-ЧЕМ!

4

Вот оно:

Бим-бом! Тили-бом!

На дворе – высокий дом,

Ставки резные,

Окна расписные.

А на лестнице ковёр —

Шитый золотом узор.

По узорному ковру

Сходит кошка поутру...

У неё, у кошки,

На ногах сапожки,

А в ушах серёжки.

На сапожках —

Лак, лак.

А серёжки —

Бряк-бряк.

По своему экзистенциальному ужасу эти стихи не уступают Иннокентию Анненскому.

Здесь из псевдофольклорного лада высовывается и кажется свою насурьмлѐнную рожу ад: самая главная мифическая га-дина: цивилизация.

Тут всё звенит, трясѣтся и пляшет на манер вавилонской блудницы или Саломеи с головой Иоанна Крестителя.

Платье новое на ней,
Стоит тысячу рублей.
Да полтысячи тесьма,
Золотая бахрома.

Вот этой самой тесьмой с золотой бахромой можно уда-виться, даже не дочитав кошачью, рассказанную в стихах, детскую историю.

5

Человеческий дом всегда сводится к следующему:

Мне коза сейчас сказала,
Что у нас тут места мало.

Так всё было, будет и есть, Самуил Яковлевич.
Пока стоят на земле дома, будут стыд и кутерьма.
Пока есть квартирный вопрос, будут боль и понос.
Будут одни Мармеладовы, Михалковы и Кончаловские.
Будут одни собачьи конурки да дачки на Рублёвском шос-

се.

Будут города Глуповы.

Будут Собакевичи и Коробочки.

Будут Свидригайловы.

Но Свидригайлов-то понял под конец: истинный дом –
банька с паутиной и тараканами.

А когда поймут нынешние?

Никогда.

Всяк, у кого есть жилплощадь в бараке или в сталинке,
похоронил себя там заживо.

Прав Батай: могила – прототип всякого обиталища.

6

Сколько раз в детстве я мечтал убежать из дома родителей?

Сто, сто и ещё сто раз!

Но никогда не думал убежать в какой-то другой дом.

Всегда хотел убежать только в цирк.

Потому что цирк – не дом.

Потому что цирк – антидом.

Вагончики.

Брезент.

Тряпки какие-то.

Кочевники.

Лошади.

Ослики.

Нищие пожитки.

Полуголые девушки.

Шпагоглотатели.

Канатоходцы, жонглёры, клоуны.

А укротителей я не любил и всегда ждал, когда на них прыгнет тигр.

И сожрёт.

7

Я жил с разными людьми и в разных домах, но в любом из них запрещалось летать не только летучим мышам, но и бабочкам.

Да они бы и не захотели там летать!

Только один дом был наполнен мотыльками, комарами и капустницами.

Но это был не дом, а сквот: Кан-Кун.

А в домах – ни-ни.

Какие-то взрослые грозные пацаны и накрашенные хамские дамочки ловят всех бабочек и на иглы насаживают.

И под стекло помещают для эстетического благообразия.

И на стены дома вывешивают.

И вот снова Маршак:

Мой дом для вас всегда открыт!

Здесь у меня столовая.

Вся мебель в ней дубовая.

Вот это стул —

На нём сидят.

Вот это стол —

За ним едят.

Какая цивилизованность!

Какое сучество!

Не хочу ваших стульев и столов.

Не хочу вашей дубовой мебели.

Не хочу у вас гостить, милые хозяева!

Уж лучше я буду стыть на улице!

Однажды я решил провести ночь под проливным дождём
и посмотреть, что со мной сделается.

Простудился, слабак.

У-у!

Трудно без крыши и стен.

Но бушмены ведь обходились без них.

И без всяких стульев и столов жили эскимосы Гренландии.

Без комодов и шкафчиков.

Не все двуногие мебелью обзаводятся.

Поэтому верно говорит Коза, хотя и по-козлиному:

Сказать по правде, мы с козлом

Есть не привыкли за столом.

Мы любим на свободе

Обедать в огороде.

Это можно сказать и про нас с Барбарой.

9

Однажды я жил на острове.

Этот остров известен тем, что на нём родился Наполеон Бонапарт.

Да, Корсика.

Мы с Барбарой полгода там провели, в странном городке под названием Сартен.

Мы туда поехали по совету Жюльена Купа.

Он – один из самых свободных людей на земле.

И он сказал нам, что на Корсике хорошо.

И правда: там ты чувствуешь, что когда-то – ещё вчера! – существовал древний мир, древние боги и существа: титаны, Зевс, Гера, Аполлон, Дионис, Афродита, Геракл, Абарис, Орфей...

Так вот: на Корсике жил в то время некто по имени Орфил.

Про него ходили всякие рассказы.

Говорили, что он — псих.

Или что он — колдун.

Или что он — шаман.

Словом, всякое судачили.

Этот человек был крайне нелюдим.

И к тому же немой.

Он занимался тем, что убирал с дорог трупы зверей.

На Корсике, как и везде, туристы-автомобилисты нещадно давят мелких животных, перебегающих асфальтовые пути.

Зайцев давят.

Тушканчиков.

Змеек.

Ежей.

И даже птиц.

Орфил подбирал их тела и хоронил.

Ему за это даже платили жалованье.

Чтобы он не умирал с голода.

Несколько раз я встречал Орфила в Сартене на улице.

Он был очень красив.

Кудрявый, широкоплечий, с львиной головой.

А одет в старое пальто с дырками.

И это странное имя: Орфил.

Почти как Орфей.

Но Орфей, как известно, пел, а Орфил, как я уже сказал, молчал.

Зато он, как и Орфей, не любил общество людей.

Предпочитал деревья, камни, зверей и птиц (даже если они – мёртвые).

А жил он в старом грузовике, на котором передвигался по острову, собирая звериные трупы.

Потом он их где-то закапывал.

И поговаривали, что Орфил делал с ними что-то ещё: тайное, странное.

Какие-то ритуалы совершал.

Но про это я уже ничего не могу сказать.

10

Почему я вспомнил его?

Думаю, он был из какой-то древней маргинальной традиции...

Из какой именно?

Затрудняюсь сказать.

Из какой-то мистической...

Возможно, из орфической?

В любом случае: ему не нужны были дома и всё, что к ним прилагается.

Орфил был сыном неба, моря и земли.

А я – их пасынком?

Не хочу быть просто сыном своих родителей!

Про то, как Цветаева увела меня из Цюриха

1

Недавно мне пришло в голову: «Я целых три года жил в Цюрихе!»

И дальше: «Как же я это выдерживал?»

Ведь Цюрих – совершенно разрушенный городок.

Конечно, он разрушен не так, как Гамбург, Дрезден, Кёльн и другие немецкие города, о разрушении которых В. Г. Зебальд рассказал в своей «Естественной истории разрушения».

На Цюрих не падали бомбы немецкой авиации, возглавляемой сэром Артуром (Мясником) Харрисом.

Ковровые бомбардировки прошли и стихли на расстоянии от славного города Цюриха.

Его разорили и раскромсали не американцы, не немцы, не японцы и не русские, а собственные домовладельцы, строители и начальники – как это, кстати, повсюду водится и не переводится.

Постепенное и планомерное разложение и уничтожение памяти – так, чтобы от неё уцелела одна приглаженная, пошлая, лживая версия – вот опробованная стратегия власти

как в Бельгии, так и в Мордовии.

Стоит только посмотреть на пластмассовые рамы в старинных домах Цюриха и на стерильно отремонтированные здания в Старом городе, чтобы ощутить всё убожество местных хозяйчиков, не только не сохранивших наследие этого города, но запросто принёсших его в жертву своей тупой всепроникающей алчности.

Результатом такого мягкого разрушения становится вёрткое, ушное, расторопное нагромождение бездарностей – настоящий тихий ужас, кашемировый кошмар.

Современный Цюрих состоит из аккуратно перелицованных руин, фальшивость которых не улавливается туристами, но внимательный наблюдатель может просто заболеть от разочарования.

Тут уместно вспомнить «Домики старой Москвы» Марины Цветаевой:

Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Все исчезаете вы,

Точно дворцы ледяные
По мановенью жезла.
Где потолки расписные,
До потолков зеркала?

Где клавесина аккорды,
Тёмные шторы в цветах,
Великолепные морды
На вековых воротах,

Кудри, склонённые к пальцам,
Взгляды портретов в упор...
Странно постукивать пальцем
О деревянный забор!

Домики с знаком породы,
С видом её сторожей,
Вас заменили уроды, —
Грузные, в шесть этажей.

Домовладельцы – их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы.

Это стихотворение, несмотря на сентиментально-романтические интонации, свидетельствует о гораздо более прямом взгляде на реальность, нежели все разъяснения гидов и культуртрегеров – что бы они ни плели, о чём бы ни базарили.

Вот кто должен ходить по Цюриху и рассказывать правду о нём – беженка, нищенка, беспризорница Марина Цветаева. Она бы сразу поняла, что Цюрих, бывший и до сих пор

остающийся прибежищем отдельных удачливых беглецов, ускользнувших от всевозможных ужасов других стран и мест, является на деле смертельной болезнью, которую обитатели этого города подхватывают при рождении или заражаются при случае.

Имя этого недуга – благодушное бесчувствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.